В. И. Харціевъ.

КРАТКІЙ ОЧЕРКЪ

ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА

М.Ю.ЛЕРМОНТОВА.

(1814—1914 г.).

КЪ СТОЛѢТІЮ СО ДНЯ РОЖДЕНІЯ.

(ДЛЯ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ).

Изданіе Б. А. Лезина.

ХАРЬКОВЪ.
1914.

БИБЛІОТЕКА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМІИ. 3360 85

М. Лермонтов

БИБЛІОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМІИ
450
33.

Пров. 1955

Среди великихъ сыновъ земли русской, прославившихъ свое имя славными дѣлами и подвигами на благо своей родины, русскій народъ насчитываетъ много мудрыхъ государей, геніальныхъ полководцевъ, замѣчательныхъ государственныхъ мужей, великихъ ученыхъ и одаренныхъ особымъ даромъ писателей-художниковъ, поэтовъ. Однихъ мы чтимъ, какъ строителей нашего государства, создателей его могущества, силы, величія; другіе дороги намъ не потому, что они завоевывали новыя земли, одерживали побѣды надъ врагами, строили города: ихъ дѣла, ихъ труды на пользу родной страны совсѣмъ другого рода. Надѣленные даромъ видѣть и слышать лучше и больше, чѣмъ другіе обыкновенные люди, одаренные острымъ умомъ и сердцемъ, горящимъ любовью къ людямъ, эти великіе духомъ избранники русскаго народа, эти геніальныя личности обладали даромъ необыкновенно ясно выражать мѣткимъ русскимъ словомъ все то, „что душу волнуетъ, что сердце манитъ“, все то, о чемъ думалъ русскій народъ, къ чему онъ стремился, къ чему звала его совѣсть, во что онъ вѣрилъ, на что надѣялся.

Вѣка жилъ русскій народъ, много въ потѣ лица потрудился, чтобы подъ руководствомъ своихъ мудрыхъ правителей, лучшихъ людей устроить свою землю; много выстрадалъ онъ, много пережилъ и передумалъ. И эти мысли, эти думы о пережитомъ, о настоящемъ и будущемъ скупо высказывалъ онъ въ писаніяхъ своихъ книжниковъ,

грамотныхъ людей, въ лѣтописяхъ, сказаніяхъ старины; а хранились онѣ лишь въ народной пѣснѣ, въ былинахъ и казацкихъ думахъ, въ мѣткихъ пословицахъ и въ устныхъ преданіяхъ на разныхъ нарѣчіяхъ одного общаго русскаго языка.

Въ 18 вѣкѣ, послѣ великой реформы Петра Великаго, трудами славнаго русскаго ученаго Ломоносова и другихъ русскихъ писателей, среди которыхъ были и государи и разные служилые люди, сталъ выковываться общій государственный русскій языкъ, и великая единая Русь, долго молчавшая, заговорила вдругъ въ началѣ 19 вѣка устами своихъ писателей, поэтовъ такими звучными стихами, такой красивой, сильной рѣчью, что русскую литературу, русскихъ писателей стали почитать и уважать образованные народы всего земного шара. Начало этой славы и величія русской литературы положили вмѣстѣ съ другими талантливыми писателями три геніальныхъ поэта: Пушкинъ, Лермонтовъ и Гоголь. Ихъ стихи и разсказы знаетъ каждый русскій школьникъ. Имена ихъ съ дѣтства привыкъ чтить и уважать каждый русскій грамотный, образованный человѣкъ. Ихъ думы, ихъ рѣчи, въ стихахъ и въ прозѣ, стали достояніемъ всего русскаго народа. Незамѣтно съ дѣтства мы пріучаемся пользоваться ими и въ минуту грусти, и въ минуту радости, и обсуждая, обдумывая разныя дѣла свои, поступки другихъ людей.

Недавно вся Россія чествовала столѣтіе со дня рожденія Пушкина, Гоголя; теперь мы дожили до новаго торжественнаго дня—столѣтней годовщины рожденія Лермонтова. Между именами Пушкина и Гоголя имя Лермонтова сіяетъ особымъ яркимъ блескомъ вотъ уже столѣтіе. Что же сдѣлалъ онъ, въ чемъ его заслуга, его подвигъ?

Отмѣченный печатью дара Божія, даромъ

слова, живого мудраго русскаго слова, нашъ великій поэтъ былъ и долго еще будетъ какъ бы устами русскаго народа, общества русскихъ людей: и на него судьбой возложено было тяжкое, но и почетное бремя высказать то, что лежитъ на сердцѣ, что мучитъ подчасъ совѣсть людскую, что радуетъ духъ человѣка, что указываетъ намъ, какого берега держаться въ нашей жизни. Такихъ людей по справедливости называютъ избранными людьми; такими людьми гордится всякій народъ. И въ высшей степени интересно и поучительно теперь припомнить и разсказать, о чемъ нашъ великій поэтъ говорилъ и будетъ долго говорить намъ въ своихъ стихахъ, пѣсняхъ и думахъ, какія мысли и чувства будитъ онъ въ нашемъ умѣ и сердцѣ, разсказать о недолговременной его жизни на землѣ и долгой столѣтней уже жизни въ памяти людской.

Мало пожилъ на свѣтѣ Лермонтовъ: всего 27 лѣтъ съ небольшимъ. Родился Михаилъ Юрьевичъ 2 октября 1814 года въ Москвѣ, а скончался 15-го іюля 1841 г. въ Пятигорскѣ, сраженный пулей своего недруга у подножія горы Машука.

Русскій дворянскій родъ Лермонтовыхъ шотландскаго происхожденія: и теперь еще въ Шотландіи, около Эдинбурга, живутъ помѣщики Лермонты, а въ шотландскихъ сказкахъ-преданіяхъ и до сихъ поръ живетъ имя одного изъ далекихъ предковъ нашего писателя, пророка или поэта Лермонта, похищеннаго будто бы феями. Одинъ изъ этого шотландскаго рода, прямой предокъ нашего поэта, перешелъ въ началѣ 17 столѣтія на русскую службу и положилъ начало русскому дворянскому роду Лермонтовыхъ. Лермонтовъ въ одномъ стихотвореніи говоритъ о себѣ, что онъ „нездѣшній“, что онъ хотѣлъ бы умчаться туда, „гдѣ цвѣтутъ поля его предковъ“.

Смутной памятью о далекой родинѣ своихъ предковъ навѣяно прекрасное стихотвореніе „Желаніе“.

Зачѣмъ я не птица, не воронъ степной,
Пролетѣвшій сейчасъ надо мной?
Зачѣмъ не могу въ небесахъ я парить
И одну лишь свободу любить?
На западъ, на западъ помчался бы я,
Гдѣ цвѣтутъ моихъ предковъ поля,
Гдѣ въ замкѣ пустомъ, на туманныхъ горахъ,
Ихъ забвенный покоится прахъ...
Но тщетны мечты, безполезны мольбы
Противъ строгихъ законовъ судьбы.
Межъ мной и холмами отчизны моей
Разстилаются волны морей.
Послѣдній потомокъ отважныхъ бойцовъ
Увядаетъ средь чуждыхъ снѣговъ;
Я здѣсь былъ рожденъ, но нездѣшній душой...
О! зачѣмъ я не воронъ степной!..

Лишившись матери на 3-мъ году жизни, оторванный отъ отца бабушкой, доброй, но гордой женщиной, взявшей его на воспитаніе, ребенокъ Лермонтовъ, хотя и окруженъ былъ богатствомъ и роскошью, рано сталъ задумываться надъ жизнью своей и близкихъ людей и чувствовалъ себя одинокимъ, заброшеннымъ судьбой среди чужихъ людей. По волѣ бабушки учителями его были и французъ, и грекъ, и англичанинъ, и Лермонтовъ съ грустью говорилъ: „Какъ жалко, что у меня была мамушкой нѣмка, а не русская—я не слыхалъ сказокъ народныхъ: въ нихъ вѣрно больше поэзіи (красоты), чѣмъ во всей французской словесности“.

Въ дѣтствѣ Лермонтовъ, будучи вообще болѣзненнымъ ребенкомъ, перенесъ тяжелую болѣзнь, во время которой онъ, по его словамъ, „выучился думать“, во время которой онъ научился цѣнить ласку простыхъ добрыхъ людей, крѣпостныхъ крестьянъ его бабушки. Нѣмецкія сказки и легенды, которыя разсказывала ему няня нѣмка, сказки дво-

ровыхъ дѣвушекъ, навѣщавшихъ больного Мишу, про волжскихъ разбойниковъ, волновали умъ мальчика. Задыхаясь въ горячихъ подушкахъ во время мучительныхъ безсонницъ, „онъ привыкъ побѣждать страданія тѣла грезами души. Онъ воображалъ себя волжскимъ разбойникомъ, среди синихъ и студеныхъ волнъ, въ тѣни дремучихъ лѣсовъ, въ шумѣ битвъ, въ ночныхъ наѣздахъ, при звукѣ пѣсенъ, подъ свистомъ волжской бури".

Чуткій, впечатлительный мальчикъ рано почувствовалъ въ своей душѣ жажду великаго, большого дѣла для общаго блага, для своей родины, надъ судьбами которой сталъ задумываться въ то время, когда другія дѣти ни о чемъ такомъ еще не думаютъ. Лермонтовъ мальчикомъ уже вѣрилъ, что онъ избранъ Высшей Волей для великаго подвига, хотя ясно не сознавалъ, въ чемъ же долженъ заключаться его подвигъ жизни.

Безпокоясь о здоровьѣ своего внука, бабушка повезла его лѣчить на кавказскія минеральныя воды, когда ему было 11 лѣтъ. Эта поѣздка произвела на одиннадцатилѣтняго мальчика потрясающее впечатлѣніе, и черезъ пять лѣтъ, вспоминая о ней, Лермонтовъ передаетъ это впечатлѣніе восторженными словами":

„Синія горы Кавказа, привѣтствую васъ! Вы взлелѣяли дѣтство мое, вы носили меня на своихъ одичалыхъ хребтахъ; облаками меня одѣвали; вы къ небу меня пріучили, и я съ той поры все мечтаю о васъ, да о небѣ. Престолы природы, съ которыхъ, какъ дымъ, улетаютъ громовыя тучи! Кто разъ лишь на вашихъ вершинахъ Творцу помолился, тотъ жизнь презираетъ, хотя въ то мгновенье гордился онъ ею!—Часто во время зари я глядѣлъ на снѣга и далекія льдины утёсовъ: они такъ сіяли въ лучахъ восходящаго солнца, въ розовый блескъ одѣваясь, межъ тѣмъ какъ внизу всё темно,—они возвѣщали прохожему утро...—Какъ я любилъ твои бури, Кавказъ! Тѣ пустынныя, громкія бури, которымъ пещеры, какъ стражи ночей, отвѣчаютъ.

На гладкомъ холмѣ одинокое дерево, вѣтромъ, дождями нагнутое; виноградникъ, шумящій въ ущельи; путь неизвѣстный надъ пропастью, гдѣ, покрываяся пѣной, бѣжитъ безыменная рѣчка; выстрѣлъ нежданный, и страхъ послѣ выстрѣла... Врагъ ли коварный, иль просто охотникъ... Всё, всё въ этомъ краѣ прекрасно.

Воздухъ такъ чистъ, какъ молитва ребенка,
И люди, какъ вольныя птицы, живутъ беззаботно.
Война—ихъ стихія, и въ смуглыхъ чертахъ ихъ душа говоритъ.
Въ дымной саклѣ, землей иль сухимъ тростникомъ
Покровенной, таятся ихъ жены и дѣти и чистятъ оружье,
И шьютъ серебромъ, въ тишинѣ увядая"...

Снѣжныя вершины Кавказа казались поэту престолами величественнаго храма Божія, съ которыхъ подымаются громовыя тучи, которыя одѣваетъ въ розовый блескъ восходящее солнце, надъ которыми рокочутъ грозныя бури. Природа Кавказа, пробудивъ въ немъ и глубокое религіозное чувство, еще больше подогрѣла его любовь ко всему героическому, необыкновенному, величественному. А въ то же время съ нимъ случилось то, что бываетъ со многими одаренными людьми въ юности. Онъ съ дѣтства почувствовалъ въ душѣ своей какой-то тайный голосъ какъ бы изъ другого, нездѣшняго міра. И голосъ этотъ говорилъ ему о счастьѣ, о блаженствѣ, о чемъ-то свѣтломъ, радостномъ, хорошемъ. Чей этотъ тайный голосъ? Можетъ-быть, матери, которой совершенно не зналъ нашъ поэтъ? Можетъ-быть, это она напѣвала ему надъ колыбелью о долѣ, о счастьѣ? Нѣтъ, это не мать, это—ангелъ,—думалось шестнадцатилѣтнему мальчику, уже смутно догадывавшемуся, въ чемъ долженъ заключаться его подвигъ. А подвигъ былъ въ томъ, что надо было вспомнить, о чемъ пѣлъ ему этотъ ангелъ; надо разсказать, подѣлиться съ другими людьми чарующими, волшебными словами, звуки которыхъ остались въ душѣ ребенка, а смыслъ

былъ забытъ. Это были, вѣроятно, забытыя и часто забываемыя людьми слова о вѣчной правдѣ, о вѣчной красотѣ, мирѣ и любви, о томъ, что міръ прекрасенъ, что въ этой Богомъ устроенной міровой квартирѣ всѣмъ ужиться можно. Но съ земли шли другія пѣсни, скучныя пѣсни, что не умѣютъ и не могутъ, не хотятъ люди пользоваться дарами Божіими, враждуютъ, ссорятся, злобствуютъ. И затосковала душа юноши, чувствовавшаго себя одинокимъ въ этомъ мірѣ. И шестнадцатилѣтній мальчикъ, разсказавшій намъ объ этомъ въ чудномъ стихотвореніи „Ангелъ", собирается насъ чему-то учить. Чему,—мы знаемъ изъ его же словъ: „онъ радъ обнять весь міръ, любовію, взаимнымъ довѣріемъ спаять людей". Но люди—жестокіе люди. И желаніе показать людямъ, какіе они, какими должны быть, рано проснулось въ душѣ Лермонтова. Ребенкомъ онъ лѣпитъ восковыя фигуры для кукольнаго театра и выдумываетъ пьесы съ разными чудесами, пытаясь выразить грезы дѣтской своей души. Юношей онъ сочиняетъ драмы, въ которыхъ устами дѣйствующихъ лицъ повторяетъ одно и тоже: не надо злобы, не надо нелѣпыхъ жестокостей, которыя такъ нерѣдки и въ малой обыкновенной семьѣ, и въ большой, именуемой народомъ, страной, человѣчествомъ. „Будьте людьми", говоритъ поэтъ людямъ въ этихъ юношескихъ сочиненіяхъ, которыя онъ писалъ, будучи еще на школьной скамьѣ, въ московскомъ пансіонѣ, а затѣмъ въ московскомъ университетѣ. Въ этихъ же юношескихъ произведеніяхъ, да и позже Лермонтовъ разсказывалъ свои вымыслы, но очень похожіе на правду, жестокую людскую правду про странныхъ непонятныхъ людей, гордыхъ, мятущихся отъ одного края, гдѣ добро, къ другому краю, гдѣ зло; людей, способныхъ на всякое доброе дѣло, но часто дѣлающихъ зло, не желая этого. Вмѣсто райскихъ

пѣсенъ о любви, счастьѣ, иной голосъ нашептывалъ ему другія мысли, пѣлъ ему другія пѣсни про ненависть, злобное, гордое себялюбіе, холодное равнодушіе къ судьбѣ и жизни людей, презрѣніе къ людямъ. Кто нашептывалъ эти гордыя, злыя думы, кто пѣлъ эти мрачныя пѣсни? Не злой ли демонъ-искуситель звалъ человѣка на другую дорогу? Красивыми, обольстительными словами соблазняетъ онъ душу человѣка, и про него, про этого демона и его чары Лермонтовъ съ 15 лѣтъ слагаетъ стихи; онъ пишетъ поэмы, повѣсти про людей, обуянныхъ гордымъ духомъ ненависти, презрѣнія къ людямъ, сомнѣнія, недовѣрія къ нимъ. Читая эти стихи, разсказы про этихъ гордыхъ, себялюбивыхъ людей, мы чувствуемъ, что въ сущности они хорошіе люди, но несчастные; мы начинаемъ понимать, что эти злобствующіе, враждующіе люди могли бы быть счастливыми, довольными, жить-радоваться и другихъ радовать.

Вотъ о чемъ думалъ и писалъ юноша-студентъ Лермонтовъ и въ своихъ большихъ стихотвореніяхъ, поэмахъ: „Демонъ“, „Хаджи Абрекъ“, „Бояринъ Орша“ и въ мелкихъ стихотвореніяхъ, которыя какъ бы составляли дневникъ писателя, куда онъ заносилъ свои печальныя нерѣдко думы о себѣ и о людяхъ. Это была какъ бы исповѣдь человѣка съ чуткой совѣстью, съ большимъ желаніемъ добра и счастья всѣмъ. Есть у Лермонтова одно большое стихотвореніе, такъ и озаглавленное „Исповѣдь“; но мы можемъ сказать, что всѣ сочиненія Лермонтова являются одной большой, сплошной исповѣдью. Въ чемъ заключается значеніе этой исповѣди, мы скажемъ послѣ, а теперь закончимъ разсказъ о жизни Лермонтова со времени студенчества до преждевременной его кончины на Кавказѣ.

Еще будучи въ пансіонѣ, подготовляясь къ

поступленію въ высшее учебное заведеніе, Лермонтовъ обнаружилъ большую любовь къ сочиненіямъ разныхъ писателей, русскихъ и иностранныхъ, среди которыхъ первое мѣсто занимали изъ русскихъ—Пушкинъ и Жуковскій, а изъ иностранныхъ—Шиллеръ, Байронъ и нѣкоторые другіе. Ихъ стихи онъ переписывалъ въ тетрадку, помнилъ многое наизусть. Они были его учителями, и въ дѣтскихъ и отроческихъ опытахъ сочинительства онъ любилъ имъ подражать. Онъ привыкъ ихъ словами, ихъ стихами высказывать свои думы, свои мысли и чувства, все, что переживалъ. А пережить Лермонтову за это время пришлось очень много, несмотря на то, что по внѣшнему виду онъ казался баловнемъ судьбы. На его воспитаніе бабушка тратила огромныя средства, онъ былъ окруженъ роскошью, довольствомъ; но въ семьѣ происходила тяжелая драма, и, подрастая, Лермонтовъ сталъ понимать яснѣе нелѣпость семейныхъ дрязгъ и невыносимо страдалъ. Онъ любилъ отца, уважалъ и почиталъ бабушку, а между тѣмъ эти любимые и уважаемые близкіе люди ссорились и враждовали между собой, и причиной этой непріязни, вражды былъ невольно самъ поэтъ. Отецъ, любя своего сына и желая всяческаго добра ему, уступилъ его воспитаніе бабушкѣ, матери своей покойной жены, до 16-лѣтняго возраста. Гордая и властная бабушка, любившая горячо своего внука, боялась, что отецъ отыметъ у нея дорогого внука, и выражала свое неудовольствіе на отца поэта очень рѣзко, обижала его угрозами лишить наслѣдства и пр. Любовь къ отцу, съ одной стороны, чувство благодарности къ бабушкѣ—съ другой, ихъ взаимныя обиды—все это потрясало душу юноши и доводило его до тяжелыхъ и мрачныхъ думъ, которыя онъ и высказалъ въ своихъ юношескихъ драмахъ: „Люди и

страсти", „Странный человѣкъ", гдѣ мы найдемъ строгій судъ и надъ бабушкой и надъ отцомъ; гдѣ мы найдемъ и описаніе такихъ душевныхъ страданій, которыя доводятъ до мысли о самоубійствѣ. Лермонтовъ отъ этой страшной мысли освободился, но чувствовалъ себя одинокимъ среди близкихъ людей, ушелъ, такъ сказать, въ себя, сосредоточился на своихъ тяжелыхъ думахъ, которыя привыкъ скрывать отъ людей, какъ нѣчто святое, дорогое, близкое, выставляя себя въ обществѣ людей весельчакомъ, шутникомъ даже въ такія минуты, когда на душѣ было очень мрачно и тяжело.

Въ университетѣ онъ сторонился отъ товарищей, предпочитая бесѣдамъ съ ними чтеніе своихъ любимыхъ писателей и такихъ произведеній, гдѣ изображались людскіе пороки, страданія, людскія стремленія найти свое счастье въ уединеніи, вдали отъ людей. Но къ людямъ его тянуло, и онъ не чуждался общества, посѣщалъ знакомыхъ въ Москвѣ и съ виду веселился, жилъ, какъ всѣ люди, пользующіеся достаткомъ, довольные, сытые. И никто не замѣчалъ той душевной тревоги, того тяжелаго раздумья надъ загадками жизни, той тоски и недовольства собой и людьми, которыя переживалъ этотъ безпечный съ виду юноша, подчасъ казавшійся злымъ, насмѣшливымъ и даже дерзкимъ. Что съ нимъ дѣлалось въ это время, объ этомъ онъ разскажетъ въ своихъ стихахъ, въ которыхъ Лермонтовъ повторяетъ все одну и ту же повѣсть объ одиночествѣ („Умирающій гладіаторъ", „Завѣщаніе", „Дубовый листокъ" и др.), грусти и уныніи. Надъ душою юноши—поэта сгущались сумерки, и у него явилось страстное, упорное желаніе разгадать свою душу, разсказать ее, назвать словомъ то, что творилось въ ней, разогнать эти сумерки. И онъ тогда понялъ, что не только чужая душа—потемки, какъ обы-

кновенно говорятъ люди, но что еще бо́льшія потемки—своя душа, и что „душу трудно разсказать"! А разсказать ее нужно, потому что хорошо разсказанная исторія души такого человѣка, исповѣдь искренняя, сердечная, необыкновенно интересна для безчисленныхъ читателей, ибо она въ крупномъ масштабѣ и въ поэтической формѣ,—чрезвычайно удобной для пониманія,—говоритъ о насъ, о милліонахъ страждущихъ въ поискахъ добра, истины и красоты. Да и вообще творчество всякаго поэта есть его исповѣдь. Часто приходили въ это время въ голову юноши гордыя думы о себѣ, и онъ самъ себѣ пророчилъ славную будущность; но часто также посѣщали его и мрачныя мысли объ ожидающемъ его несчастіи, о короткой, но печальной жизни и о страшной гибели. Душа жаждала покоя, но въ ней жила непонятная вѣчная тревога; сердце просило мира, любви, счастья, но въ немъ же обитало какое-то безпокойство, хотѣлось бурь, битвъ:

Бѣлѣетъ парусъ одинокій
Въ туманѣ моря голубомъ...
Что ищетъ онъ въ странѣ далекой?
Что кинулъ онъ въ краю родномъ?
Играютъ волны, вѣтеръ свищетъ,
И мачта гнется и скрипитъ...
Увы! онъ счастія не ищетъ,
И не отъ счастія бѣжитъ!
Подъ нимъ струя свѣтлѣй лазури,
Надъ нимъ лучъ солнца золотой;
А онъ, мятежный, ищетъ бури,
Какъ будто въ буряхъ есть покой.

Толпы звѣздъ и ночные своды неба, казалось, обѣщали юношѣ что-то, и въ угрюмомъ уединеніи душа поэта искала чего-то чудеснаго, и онъ, силой мысли въ краткій часъ, по его же словамъ, „жилъ вѣка и жизнію иной, и о землѣ позабывалъ". Уносясь мыслію въ далекія времена, въ чуждыя страны, читая книги, Лермонтовъ—отрокъ рисовалъ

себѣ картины необыкновенно бурной, величественной, грозной жизни людей съ необыкновенными страстями, великими подвигами, нерѣдко великихъ грѣшниковъ, надъ которыми давно ужо произнесенъ судъ людской и Божій.

Юноша, обладавшій нѣжнымъ, добрымъ, любвеобильнымъ сердцемъ, крайне впечатлительный и отзывчивый на всякую привязанность, жаждавшій любви, ласки и дружбы, мягкій по своей славянской, русской натурѣ, Лермонтовъ былъ врагомъ всякой неискренности, всякаго насилія, обиды. Нерѣдко еще въ дѣтствѣ онъ напускался на бабушку, когда она несправедливо бранила крѣпостныхъ тогда слугъ, и выходилъ изъ себя, когда кого-нибудь вели наказывать, бросался на тѣхъ, кто отдавалъ приказаніе, съ палкой, всѣмъ,—что подъ руку попадало. Теперь онъ во имя любви къ человѣку осуждаетъ крѣпостное право (драма „Странный человѣкъ"). Но будучи такимъ въ затаенныхъ своихъ мысляхъ и думахъ, которыя онъ заносилъ въ свои записныя тетради, онъ казался своимъ товарищамъ по университету и всѣмъ постороннимъ совсѣмъ другимъ человѣкомъ: холоднымъ, необщительнымъ, скрытнымъ, высокомѣрнымъ, язвительно-насмѣшливымъ, готовымъ всегда на всякое колкое, злое слово, заносчивымъ и самолюбивымъ.

Какимъ же образомъ могла образоваться такая двойственность, такая отчужденность отъ людей? Мы знаемъ теперь, что въ это время въ душѣ Лермонтова происходила большая внутренняя работа, и когда его отрывали отъ нея какимъ-нибудь вопросомъ, замѣчаніемъ, то это могло огорчать его, приводить въ гнѣвъ, и это сказывалось въ его рѣзкихъ словахъ, въ странныхъ поступкахъ, въ стремленіи отгородиться отъ людей. Тѣ же товарищи по

университету, несмотря на странное, подчасъ высокомѣрное отношеніе къ нимъ загадочнаго юноши, относились къ нему съ нѣкоторымъ уваженіемъ и сдержанностью, завидуя стойкости его угрюмаго нрава. Достаточно бывало Лермонтову, оторвавшись отъ чтенія, взглянуть на одного изъ споривших о чемъ-нибудь товарищей, чтобъ тотъ, невольно оробѣвъ, умѣрилъ пылкую рѣчь или совсѣмъ замолчалъ. А когда на экзаменахъ гордый товарищъ обнаружилъ больше познаній, чѣмъ требовалось профессорами, то стало понятнымъ его нѣсколько высокомѣрное отношеніе. Всѣ поняли, уразумѣли, по словамъ одного изъ сотоварищей Лермонтова, презрительный и заносчивый его нравъ. „Теперь человѣкъ этотъ вполнѣ имъ открылся".

Лермонтовъ не окончилъ курса въ Московскомъ университетѣ вслѣдствіе неблагопріятно сложившихся обстоятельствъ и, получивъ увольнительное свидѣтельство, хотѣлъ поступить въ Петербургскій университетъ. Но въ это время заговорили о замѣнѣ университетскаго трехгодичнаго курса четырехгодичнымъ, и Лермонтову снова пришлось бы начать ученіе съ перваго курса, такъ какъ годы ученія въ Москвѣ отказались засчитать ему. Такъ долго оставаться на школьной скамьѣ ему не хотѣлось: онъ стремился сдѣлаться поскорѣе независимымъ человѣкомъ, душа его рвалась на просторъ жизни, ему хотѣлось учить другихъ, а не учиться. И вмѣсто университета Лермонтовъ поступаетъ въ военное училище съ двухгодичнымъ курсомъ, по окончаніи котораго Высочайшимъ приказомъ 22 ноября 1834 г. былъ произведенъ въ корнеты лейбъ-гусарскаго полка, расположеннаго въ Царскомъ селѣ. Будучи ученикомъ военной школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ, куда онъ поступилъ противъ воли бабушки и къ великому

ея огорченію, Лермонтовъ, бредившій въ дѣтствѣ боями и геройскими военными подвигами и питавшій въ то время страсть къ военнымъ людямъ и военному быту, велъ настоящую юнкерскую жизнь, гдѣ, къ сожалѣнію, тогда на первомъ мѣстѣ стояли ухарство, ловкость, физическая сила.

Тщательно скрывая отъ своихъ товарищей свои писательскія думы и мечты, мало, кстати сказать, интересовавшія ихъ, Лермонтовъ часто по вечерамъ тайкомъ отъ товарищей забирался въ пустые классы и писалъ тамъ до поздней ночи. Въ юнкерскомъ журналѣ, въ угоду веселымъ товарищамъ, помѣщались стихотворенія Лермонтова такого легкомысленнаго содержанія, правда, подъ чужимъ именемъ, что поэтъ пріобрѣлъ себѣ совсѣмъ дурную славу писателя, сочиненія котораго зазорно, неприлично читать. Да и вообще поэта стали не долюбливать за его иногда очень рѣзкія колкія словечки, шуточки, направленныя нерѣдко противъ знатныхъ и вліятельныхъ лицъ, пользовавшихся уваженіемъ въ обществѣ. Но никто не зналъ изъ его товарищей и постороннихъ, негодовавшихъ на него за его безпощадныя насмѣшки, какъ горько каялся онъ въ своихъ стихахъ, о чемъ онъ думалъ и писалъ наединѣ съ собой. И когда стали печататься эти его думы, то многимъ изъ его товарищей и друзей показалось даже, что это Лермонтовъ говоритъ неискренно, что это—не его мысли. Современникамъ не вѣрилось, чтобы подъ внѣшностью обыкновеннаго молодого человѣка, занятаго обычными его возрасту увеселеніями и похожденіями, скрывался огромный талантъ писателя, который въ это же время, уединясь отъ товарищей и отъ свѣта, творилъ свои дивныя произведенія. Подобно Пушкину, онъ какъ бы нарочно хотѣлъ, чтобы его считали простымъ шалуномъ-гусаромъ, посѣтителемъ

вечеровъ, скрывая отъ своихъ свѣтскихъ друзей и знакомыхъ свои литературныя занятія. Правда, въ петербургскихъ знатныхъ домахъ знали Лермонтова, какъ автора ѣдкихъ, колкихъ стихотвореній, которыми онъ пугалъ и злилъ своихъ знакомыхъ, но не знали другого, не знали, что Лермонтовъ наединѣ съ собой любилъ подвергать себя строгому суду совѣсти и въ самомъ себѣ казнилъ наши грѣхи, наши недостатки, и мы, читатели его произведеній, являемся какъ бы свидѣтелями этой казни. Какіе это грѣхи,—узнали потомъ: это—гордость, эгоизмъ, себялюбіе, равнодушіе къ ближнему. Потомъ уже открылось, какъ недремлющая совѣсть неустанно твердила поэту, что живемъ мы не такъ, какъ слѣдуетъ, и что глубокая, искренняя печаль, тоска, недовольство собой, постоянная душевная тревога были удѣломъ этого,—съ виду недумавшаго ни о чемъ серьезномъ,—человѣка. Пѣсня безъ словъ того ангела, который „душу младую въ объятіяхъ несъ для міра печали и слезъ", продолжала звучать въ душѣ поэта, пѣсня, трудно выразимая словами, о божественной правдѣ, не мирившейся съ человѣческой неправдой. Но этими думами скупо дѣлился Лермонтовъ со своими современниками, и его сочиненія не обращали на себя особеннаго вниманія.

Случай, печальный, роковой, всколыхнувшій все русское общество, заставилъ заговорить о нашемъ поэтѣ не только, такъ называемый, большой свѣтъ, но всю Россію. Этимъ случаемъ, событіемъ, сильно взволновавшимъ всѣхъ просвѣщенныхъ русскихъ людей, была неожиданная смерть Пушкина, павшаго на дуэли, вызванной нелѣпой, коварной сплетней. Несчастное событіе такъ сильно подѣйствовало на Лермонтова, недавно передъ этимъ познакомившагося съ обожаемымъ поэтомъ, котораго онъ считалъ своимъ учителемъ, что онъ зане-

могъ отъ печали и негодованія на тѣхъ, которые находили возможнымъ осуждать Пушкина и оправдывать его убійцу, пользовавшагося въ большомъ свѣтѣ извѣстнымъ уваженіемъ, мало заслуженнымъ. Сердце поэта страдало вмѣстѣ съ сердцемъ всей грамотной Россіи отъ обиды, нанесенной русскому національному чувству, и эта обида, эта печаль вылилась въ извѣстномъ стихотвореніи: „На смерть Пушкина“:

Погибъ поэтъ, невольникъ чести,
Палъ, оклеветанный молвой,
Съ свинцомъ въ груди и съ жаждой мести,
Поникнувъ гордой головой.
Не вынесла душа поэта
Позора мелочныхъ обидъ;
Возсталъ онъ противъ мнѣній свѣта
Одинъ, какъ прежде—и убитъ!
Убитъ!... Къ чему теперь рыданья,
Похвалъ и слезъ ненужный хоръ
И жалкій лепетъ оправданья—
Судьбы свершился приговоръ!...
Его убійца хладнокровно
Навелъ ударъ—спасенья нѣтъ.
Пустое сердце бьется ровно,
Въ рукѣ не дрогнетъ пистолетъ.
И что за диво?... Издалека,
Подобно сотнямъ бѣглецовъ,
На ловлю счастья и чиновъ
Заброшенъ къ намъ по волѣ рока,
Смѣясь, онъ дерзко презиралъ
Земли чужой языкъ и нравы:
Не могъ щадить онъ нашей славы,
Не могъ понять въ сей мигъ кровавый,
На что онъ руку подымалъ!
И онъ погибъ, и взятъ могилой....
Зачѣмъ повѣрилъ онъ словамъ и ласкамъ ложнымъ,—
Онъ, съ юныхъ лѣтъ постигнувшій людей!
И прежній снявъ вѣнокъ, они вѣнецъ терновый,
Увитый лаврами, надѣли на него....

Въ немъ Лермонтовъ высказалъ то, что думали

лучшіе люди его времени. Но нашлись среди пріятелей и знакомыхъ нашего поэта люди, которые не раздѣляли его чувствъ, его взгляда на великаго писателя, и Лермонтовъ сгоряча написалъ еще шестнадцать стиховъ, очень рѣзкихъ и обидныхъ для многихъ высокопоставленныхъ лицъ. За эти стихи и, можетъ-быть, за другія слишкомъ вольныя насмѣшки Лермонтовъ былъ арестованъ и сосланъ на Кавказъ служить армейскимъ офицеромъ въ пѣхотномъ полку. Это было большое пониженіе, но наказаніе довольно мягкое, хотя все-таки мало заслуженное поэтомъ. Въ стихахъ вылилось лишь справедливое негодованіе поэта на легкомысленныхъ товарищей и родственниковъ, явившихся защитниками нелѣпаго случая, злосчастной дуэли. Какое мирное настроеніе было тогда у поэта, объ этомъ лучше всего свидѣтельствуютъ такія его стихотворенія, какъ „Вѣтка Палестины“, написанное передъ арестомъ въ квартирѣ одного знакомаго, къ которому онъ обратился о заступничествѣ, и другое стихотвореніе, написанное на гауптвахтѣ сажей на сѣрой бумагѣ, въ которую заворачивали приносимый ему хлѣбъ.

Когда волнуется желтѣющая нива,
И свѣжій лѣсъ шумитъ при звукѣ вѣтерка,
И прячется въ саду малиновая слива
Подъ тѣнью сладостной зеленаго листка;
Когда, росой обрызганный душистой,
Румянымъ вечеромъ иль утра въ часъ златой,
Изъ-подъ куста мнѣ ландышъ серебристый
Привѣтливо киваетъ головой;
Когда студеный ключъ играетъ по оврагу
И, погружая мысль въ какой-то смутный сонъ,
Лепечетъ мнѣ таинственную сагу
Про мирный край, откуда мчится онъ,—
Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челѣ,
И счастье я могу постигнуть на землѣ,
И въ небесахъ я вижу Бога.

Около Пасхи 1837 года Лермонтовъ уѣхалъ на Кавказъ, гдѣ прожилъ всего только годъ, такъ какъ бабушка его, огорченная этой ссылкой, стала усиленно хлопотать о помилованіи и вскорѣ добилась своего.

Для Лермонтова это второе посѣщеніе Кавказа не было почти ссылкой. Здѣсь, среди знакомой ему съ дѣтства величественной природы, онъ отдыхалъ душой, переѣзжая съ мѣста на мѣсто, любуясь красотами кавказскихъ горъ, присматриваясь къ жизни горцевъ, изучая ихъ языкъ. Въ одномъ письмѣ къ пріятелю онъ говоритъ: „Я не могу объяснить или описать этого удивительнаго чувства: для меня горный воздухъ—бальзамъ; хандра—къ чорту, сердце бьется, грудь высоко дышитъ—ничего не надо въ эту минуту: такъ сидѣлъ бы да смотрѣлъ цѣлую жизнь".

Онъ опять очутился у престоловъ вѣчныхъ горъ кавказскихъ, которые въ дѣтствѣ научили его молиться и благоговѣть передъ красотами природы. Холодно и дико ему было въ пустыняхъ большого свѣта, гдѣ народу, по русской поговоркѣ, было много, а людей мало. Съ предразсудками этого большого свѣта,—признавался поэтъ своимъ друзьямъ,—бороться труднѣе, чѣмъ съ тиграми и медвѣдями. Да и съ сердцемъ своимъ справиться тамъ было нелегко, что показываетъ написанное имъ стихотвореніе „На смерть Пушкина". Здѣсь дышалось ему легко и свободно, здѣсь онъ снова унесся мыслью отъ дряблыхъ людей своего времени въ міръ людей, словно вылитыхъ изъ стали, словно высѣченныхъ изъ гранита, и написалъ свою прекрасную „Пѣсню про Царя Ивана Васильевича, опричника Кирибѣевича и купца Калашникова". Жуковскій былъ въ большомъ восторгѣ отъ этой поэмы и написалъ письмо тогдашнему министру на-

роднаго просвѣщенія, чтобъ онъ разрѣшилъ напечатать это произведеніе ссыльнаго офицера хотя бы безъ его подписи, что и было исполнено. Слава Лермонтова, какъ поэта, достойнаго преемника безвременно погибшаго Пушкина, росла не по днямъ, а по часамъ. Съ жадностью и восторгомъ всѣ читали его стихи съ Кавказа, гдѣ вдали отъ шума большого свѣта поэтъ написалъ много прекрасныхъ стихотвореній о Богѣ, о природѣ, о сердцѣ людскомъ. Онъ нашелъ теперь свое истинное призваніе, и скучно ему было ѣхать въ новый полкъ; онъ совсѣмъ отвыкъ отъ фронта и серьезно думалъ объ отставкѣ. Но въ отставкѣ ему отказали, и онъ продолжалъ служить.

Когда Лермонтову разрѣшили вернуться въ Петербургъ, то здѣсь его принимали во многихъ домахъ съ такимъ вниманіемъ, съ такою любовью, о которыхъ и не думалось раньше поэту. Даже люди, которыхъ онъ оскорбилъ когда-то въ своихъ стихахъ, забывъ свою обиду, осыпали его ласками. Въ это время его сочиненія были напечатаны въ отдѣльной книгѣ, и книга читалась нарасхватъ. Къ словамъ поэта прислушивались всѣ образованные русскіе люди, потому что въ его книгѣ они нашли много прекрасныхъ мыслей, потому что она будила въ сердцахъ людей благородныя чувства, такъ хорошо выраженныя, въ такихъ звучныхъ красивыхъ стихахъ, какихъ раньше не слыхивали. Ихъ заучивали, твердили наизусть.

Бодро и весело жилось Лермонтову, всѣми любимому и уважаемому. Много прекрасныхъ произведеній написалъ онъ въ это время. Но надъ головой поэта опять сгущались тучи. Изъ-за пустячныхъ недоразумѣній съ сыномъ французскаго посланника произошла дуэль. Лермонтовъ былъ преданъ военному суду и по приговору суда опять

подвергнутъ былъ наказанію, правда, мягкому, а именно—сосланъ былъ опять на Кавказъ, въ Тенгинскій пѣхотный полкъ.

Тяжело было поэту, но онъ покорился своей долѣ и надѣялся выслужиться, отличившись въ бояхъ съ горцами, и снова вернуться на родину, къ любимымъ литературнымъ занятіямъ. Пріѣхавъ на Кавказъ, онъ принималъ участіе въ походѣ противъ чеченцевъ, въ которомъ проявилъ необыкновенное мужество и храбрость. Всѣ ожидали, что его наградятъ высшей военной наградой, на которую и онъ самъ разсчитывалъ, но почему-то его обошли, разрѣшивъ лишь пріѣхать на короткое время въ Россію. Здѣсь онъ окончилъ свое большое сочиненіе „Герой нашего времени“, которое быстро было распродано, и пришлось вскорѣ печатать его второй разъ.

2-го Мая 1841 года Лермонтовъ снова ѣдетъ на Кавказъ, по окончаніи даннаго ему отпуска, и больше уже не возвращается оттуда. Онъ говоритъ своимъ пріятелямъ о своемъ предчувствіи скорой смерти и въ своихъ стихахъ нерѣдко высказываетъ мрачныя мысли:

И скучно и грустно, и некому руку подать
Въ минуту душевной невзгоды...
Желанья!.. что пользы напрасно и вѣчно желать?
А годы проходятъ—все лучшіе годы...

И въ душѣ поэта вновь возникло, выросло горькое чувство одиночества, сильное желаніе не умереть, а уйти отъ жизни:

Выхожу одинъ я на дорогу.
Сквозь туманъ кремнистый путь блеститъ;
Ночь тиха, пустыня внемлетъ Богу,
И звѣзда съ звѣздою говоритъ.
Въ небесахъ торжественно и чудно!
Спитъ земля въ сіяньи голубомъ...
Что же мнѣ такъ больно и такъ трудно?

Жду ль чего? жалѣю ли о чемъ?
Ужъ не жду отъ жизни ничего я,
И не жаль мнѣ прошлаго ничуть;
Я ищу свободы и покоя:
Я бъ хотѣлъ забыться и заснуть...
Но не тѣмъ холоднымъ сномъ могилы—
Я бъ желалъ навѣки такъ заснуть,
Чтобъ въ груди дрожали жизни силы,
Чтобъ, дыша, вздымалась тихо грудь;
Чтобъ всю ночь, весь день мой слухъ лелѣя,
Про любовь мнѣ сладкій голосъ пѣлъ;
Надо мной, чтобъ, вѣчно зеленѣя,
Темный дубъ склонялся и шумѣлъ.

Взявъ по болѣзни отпускъ для лѣченія въ Пятигорскѣ, Лермонтовъ поселился тамъ въ маленькомъ домикѣ, гдѣ собирались у него нерѣдко друзья и товарищи. Бездѣлье и скука раздражали его, не бросавшаго привычки отпускать острыя шутки, насмѣшки надъ слабостями своихъ знакомыхъ. Изъ-за нихъ возникла ссора съ однимъ изъ товарищей, Мартыновымъ, произошла дуэль, и Лермонтовъ, подававшій такія большія надежды, погибъ на этой дуэли.

Извѣстіе о смерти его было сообщено въ такой формѣ изъ Пятигорска: „15-го іюля, около 5-ти часовъ вечера, разразилась ужасная буря съ молніей и громомъ; въ это самое время между горами Машукомъ и Бештау скончался лѣчившійся въ Пятигорскѣ М. Ю. Лермонтовъ".

Итакъ, сбылись пророческія слова пятнадцатилѣтняго мальчика о самомъ себѣ:

Я рано началъ, кончу рано.
Мой умъ немного совершитъ;
Въ душѣ моей, какъ въ океанѣ,
Надеждъ разбитыхъ грузъ лежитъ.

И, дѣйствительно, похоронивъ Лермонтова, русскій народъ похоронилъ вмѣстѣ съ нимъ грузъ своихъ надеждъ: онъ умеръ въ то время, когда его

могучій геній только расправлялъ свои крылья, когда онъ готовъ былъ стать общенароднымъ русскимъ пѣвцомъ-поэтомъ.

Прошли года, десятки лѣтъ; стало больше на Руси грамотныхъ, просвѣщенныхъ людей, умножились школы; много хорошихъ, умныхъ книгъ печатается каждый годъ, но книга стиховъ и думъ Лермонтова занимаетъ среди нихъ до сихъ поръ почетное мѣсто. Рѣдкая школьная книга обойдется безъ чудныхъ стиховъ Лермонтова, безъ его „Пѣсни про купца Калашникова", безъ его трогательной поэмы про молодого послушника „Мцыри", безъ его милой сказочки про Ашикъ-Кериба, безъ его стиховъ: „Два великана", „Ангелъ", „Молитва", „Воздушный корабль", „Когда волнуется желтѣющая нива", „Казачья колыбельная пѣсня", „Споръ" и проч. Кто не знаетъ ихъ, кто не училъ наизусть ихъ въ дѣтствѣ, на школьной скамьѣ?

Въ 1891 году исполнилось пятидесятилѣтіе со дня смерти поэта, и, по русскимъ законамъ, сочиненія Лермонтова получилъ право печатать, издавать каждый русскій человѣкъ, ставшій такимъ образомъ наслѣдникомъ великаго поэта.

Въ милліонахъ книгъ и книжечекъ разошлись стихи и сочиненія Лермонтова по всей Руси; знаютъ его и за границей, въ чужихъ земляхъ, такъ какъ сочиненія его переводятся на языки всѣхъ образованныхъ народовъ. Мы знаемъ въ лицо дорогого намъ писателя по тѣмъ многочисленнымъ портретамъ, которые прилагаются къ каждой книжкѣ его сочиненій.

Въ Пятигорскѣ и другихъ мѣстахъ воздвигнуты ему памятники на деньги, добровольно пожертвованныя русскими людьми. Но самый лучшій памятникъ вѣчной славы воздвигъ себѣ самъ поэтъ

своими произведеніями въ сердцахъ милліоновъ своихъ читателей.

При жизни поэтъ часто жаловался на свое одиночество, выражалъ нерѣдко горькое чувство человѣка, живущаго среди чужихъ людей. Вотъ „Нищій“ проситъ подаянія, куска лишь хлѣба, но кто-то камень положилъ въ его протянутую руку. Вотъ „Дубовый листокъ“ оторвался отъ вѣтки родимой, докатился до Чернаго моря, гдѣ росла чинара молодая. Онъ проситъ принять его, бездомнаго скитальца, но слышитъ холодное слово: „иди себѣ дальше, о странникъ! тебя я не знаю“. „Сосна на сѣверѣ дикомъ“, тучка на груди „утеса-великана“, вѣчные странники, „Тучки“ небесныя, у которыхъ нѣтъ родины; „гладіаторъ“, умирающій въ римскомъ циркѣ, вдали отъ родины семьи, дѣтей; русскій солдатикъ, умирающій гдѣ-то въ госпиталѣ и диктующій товарищу свое „завѣщаніе“ на родину, отцу, матери, женѣ; страшный „Сонъ“ про одинокаго воина, умирающаго гдѣ-то въ долинѣ Дагестана,—все это стихи, образы; картинки, въ которыхъ поэтъ выливалъ свои думы про себя, про свою отчужденность, про холодность и равнодушіе людей. Но, разсказавъ про себя, нашъ великій поэтъ высказалъ затаенныя думы и мысли многихъ, обойденныхъ судьбой и людьми, одинокихъ, заброшенныхъ людей, про свою долю. Со слезами на глазахъ когда-то читалъ Лермонтовъ, уѣзжая въ ссылку, свое стихотвореніе „Тучки небесныя“, и у многихъ, очень многихъ читателей не одну слезу вызвало изъ глазъ это стихотвореніе, не одному человѣку оно указало путь жалости, любви къ ближнему. У кого изъ насъ не бывало такихъ минутъ, когда онъ чувствуетъ себя одинокимъ среди близкихъ людей, занятыхъ своими житейскими дѣлами и нечаянно, безъ всякаго злого умысла,

кладущихъ камень вмѣсто хлѣба въ протянутую руку, говорящихъ ближнему: „моя хата съ краю, я ничего не знаю“.

А было, бываетъ и, вѣроятно, еще долго будетъ среди людей, лишенныхъ свѣта, по неразумію и еще хуже этого.

Стихотвореніе Лермонтова про три пальмы разсказываетъ намъ о томъ, какъ жестоко поступили люди съ ними за то только, что онѣ не хотѣли жить въ гордомъ одиночествѣ, за то, что хотѣли своей красотой, своей прохладой тѣнью въ пустынѣ порадовать человѣка, дать отдыхъ, пріютъ путнику. А человѣкъ пришелъ, срубилъ ихъ, сжегъ. Пепелъ, сѣдой и холодный, остался вмѣсто гордыхъ красавицъ, и родникъ, охраняемый ими, изсякъ. Зачѣмъ это?.

Лермонтовъ былъ храбрый офицеръ, честно служилъ Царю и родинѣ, исполняя свой долгъ. Мы знаемъ, что онъ особенно отличился во время одного изъ походовъ противъ чеченцевъ. Но прошла битва, утихъ жаръ отваги бойца-воина, и онъ превращается въ человѣка, глубоко задумавшагося надъ трудной загадкой жизни, и изъ-подъ пера поэта вылилось письмо—стихотвореніе къ своимъ друзьямъ и ко всѣмъ людямъ: „Валерикъ“ (рѣчка смерти).

Тянулись горы, и Казбекъ
Сверкалъ главой остроконечной.
И съ грустью тайной и сердечной
Я думалъ: жалкій человѣкъ...
Чего онъ хочетъ?.. Небо ясно,
Подъ небомъ мѣста много всѣмъ,—
Но безпрестанно и напрасно
Одинъ враждуетъ онъ.. Зачѣмъ?..

Своею жизнью Лермонтовъ показалъ намъ, какъ надо исполнять свой служебный долгъ, но мы не забудемъ никогда и этого его вопроса: за-

чѣмъ безпрестанно и напрасно одинъ враждуетъ человѣкъ? зачѣмъ изрублены пальмы?.

Мы знаемъ, какъ Лермонтовъ еще раньше поставилъ русскому обществу грозный вопросъ „зачѣмъ?“, когда убитъ былъ Пушкинъ, краса и гордость нашей родины, и какъ, обидѣвшись сначала на него за его рѣзкіе стихи, русскіе люди простили поэту его рѣзкія слова. Но остались многіе, не понявшіе поэта, и горькое чувство, что его не поняли, оставалось въ сердцѣ поэта до конца жизни.

У Пушкина есть прекрасный стихотворный пересказъ одного библейскаго разсказа изъ жизни пророка Исаіи, въ которомъ говорится о „пророкѣ“, томящемся духовной жаждой, жаждой знать тайны жизни, земли и неба. Онъ былъ надѣленъ серафимомъ даромъ видѣть, слышать, чувствовать горячимъ сердцемъ и высказывать людямъ данное ему Свыше, „глаголомъ“, т. е. словомъ, „жечь сердца людей“. Лермонтовъ чувствовалъ себя преемникомъ Пушкина и написалъ стихотвореніе подъ такимъ же заглавіемъ „Пророкъ“, въ которомъ высказалъ горькія мысли о себѣ и ему подобныхъ людяхъ и о жестокости сытыхъ, довольныхъ людей, не любящихъ правды. За то, что пророкъ, надѣленный даромъ всевѣдѣнья, „читая въ душахъ людей страницы злобы и порока“, сталъ говорить имъ объ этой правдѣ божественной, о любви,—его всѣ ближніе возненавидѣли, прогнали и смѣялись надъ его печалью, бѣдностью и наготой, ставя въ укоръ ему его нищету. Гордымъ, неуживчивымъ казался современникамъ нашъ поэтъ; но сердце его было преисполнено любовью къ людямъ, къ ихъ счастью. Онъ зналъ благодатную силу молитвы „въ минуту жизни трудную“, молитвы не о себѣ, а о счастьѣ, долѣ ближняго (Я, Матерь Божія, нынѣ съ молитвою). Онъ умѣлъ подслушать колыбельную пѣсню

матери казачки, напѣвавшей счастье, долю своему ребенку. Ему разсказала „вѣтка Палестины“ про воина Божьей рати, достойнаго небесъ. И маленькій храмъ въ жилищѣ человѣка, гдѣ лучемъ лампады освѣщены „кивотъ и крестъ, символъ святой“; и большой храмъ-природа, съ волнующейся нивой, тѣнистой прохладой сада, говоромъ ручейка, лепечущаго таинственную сагу про мирные края,—возвышали душу поэта, смиряли ея тревогу, научали смиренью, научали видѣть въ небесахъ Бога, о которомъ люди забываютъ часто въ сутолокѣ жизни. Земля въ сіяньи голубомъ, освѣщенная лампадой небесной; тихая ночь, пустыня, внемлющая Богу, и сладкій покой души,—вотъ про что говоритъ въ своихъ стихахъ Лермонтовъ, пробуждая въ насъ глубокое религіозное чувство.

Жизнь обманывала часто поэта, и онъ чувствовалъ себя нерѣдко „Плѣннымъ рыцаремъ“ и объ этомъ разказалъ въ своей стихотворной сказкѣ про „Морскую царевну“: царевичу показалось, что онъ въ своемъ житейскомъ странствованіи нашелъ неописанную красоту, и онъ хотѣлъ похвалиться ею передъ своими спутниками; но когда оглянулся, то увидѣлъ, что поймалъ онъ какое-то ужасное чудовище. Да, жизнь бываетъ ужасна! Но все-таки онъ любилъ жизнь, ея красоту, любилъ свою родину, и кто не знаетъ его стихотвореній „Два великана“ и „Бородино“, въ которыхъ такъ прекрасно выражено патріотическое чувство, по поводу событій Отечественной войны, 1812 года! Каждый русскій ребенокъ знаетъ этотъ разсказъ стараго дяди-солдата, какъ грудью отстаивала русская армія свою родину на поляхъ Бородина. Но злобы къ врагу не питалъ поэтъ, и когда Наполеонъ умеръ въ плѣну, на далекомъ островѣ, заброшенномъ среди океана, вдали отъ родины, забытый своими соотечествен-

никами, онъ въ звучныхъ стихахъ описалъ глубокую тоску покойнаго императора французовъ, вставшаго какъ бы изъ могилы, чтобы на „Воздушномъ кораблѣ“ приплыть къ берегамъ милой родины—Франціи, забывшей его.

Любовь къ родинѣ ярко выражена у Лермонтова въ его стихотвореніи „Отчизна“, въ которомъ онъ, боевой русскій офицеръ, такъ прекрасно описалъ свое чувство, которое пробуждала въ немъ родина не столько своимъ славнымъ прошлымъ, сколько своимъ просторомъ полей, безбрежными лѣсами и простыми русскими деревушками съ ихъ мирнымъ населеніемъ, нивами, гумнами, избами, покрытыми соломой. Любилъ Лермонтовъ Россію и вѣрилъ въ ея будущность. Въ записной его книжкѣ мы находимъ такія строки: „Ерусланъ Лазаревичъ сидѣлъ сиднемъ 20 лѣтъ и спалъ крѣпко, но на 21-мъ году проснулся отъ тяжелаго сна и всталъ, и пошелъ... и встрѣтилъ онъ тридцать семь королей и семьдесятъ богатырей и побилъ ихъ и сѣлъ надъ ними царствовать... Такова Россія“.

Душу истинно-русскаго человѣка, въ благородномъ смыслѣ этого слова, хорошо зналъ Лермонтовъ, и изъ всѣхъ его произведеній „Пѣсня о купцѣ Калашниковѣ“ по своей красотѣ, по своему глубокому смыслу, по своему религіозному настроенію—нѣчто совсѣмъ исключительное. Удалой купеческій сынъ вступился за свою обиженную гордымъ опричникомъ жену, кровью смылъ эту обиду; но, совершивъ тяжкій грѣхъ умышленнаго убійства, онъ съ христіанскимъ покаяніемъ и смиреніемъ сложилъ свою голову на плахѣ. Сильный своей правдой человѣкъ, онъ смирился передъ судомъ высшимъ, несправедливымъ по нашимъ человѣческимъ понятіямъ, но обязательнымъ. Смиреніе, съ которымъ Калашниковъ переноситъ свою участь, христіанское

преклоненіе предъ судомъ Божіимъ и царевымъ свидѣтельствуютъ о необыкновенномъ величіи души человѣка.

Такого величія не выдумать, не разсказать человѣку, не носящему въ душѣ своей Бога Великаго. Въ этомъ произведеніи, какъ ни въ какомъ другомъ, Лермонтовъ является выразителемъ высокихъ чувствъ великаго русскаго народа. Оно и написано языкомъ русскихъ народныхъ былинъ, русскихъ пѣсенъ и сказокъ, въ которыхъ поэтъ чувствовалъ особую красоту и глубину мысли.

Но для того, чтобы дойти до пониманія этихъ высокихъ думъ, выношенныхъ въ сердцѣ русскаго народа, чтобы возвыситься, дорасти до такой простоты и благородства чувствъ, поэту нашему нужно было пройти въ теченіе своей короткой жизни длинный путь духовнаго развитія, самовоспитанія; нужно было освободиться отъ многихъ гордыхъ, но безплодныхъ мечтаній; надо было скинуть съ себя не одинъ мундиръ себялюбія, гордости, ненужнаго самолюбованія, безплоднаго недовольства, презрѣнія къ людямъ. Много есть у Лермонтова разсказовъ въ стихахъ и въ прозѣ про гордыхъ, одинокихъ людей, мстительныхъ въ своемъ гнѣвѣ, не умѣющихъ прощать обидчикамъ, гибнущихъ и губящихъ другихъ. Мы знаемъ теперь, что въ нихъ заключается какъ бы исповѣдь самого поэта предъ своею совѣстью; мы знаемъ, что въ этой исповѣди заключена какъ бы исповѣдь просвѣщеннаго русскаго общества предъ русскимъ народомъ. Значеніе этой исповѣди ясно теперь, когда прошли годы съ тѣхъ поръ, какъ нашъ поэтъ изливалъ въ ней свою душу, изображая пороки и недостатки своихъ современниковъ.

Въ прекрасной поэмѣ „Мцыри“ кто не узнаетъ въ лицѣ молодого послушника самого автора, съ

его одинокимъ дѣтствомъ, мечтательностью, жаждой великихъ подвиговъ, тоской по любви и волѣ? За исключеніемъ монастырской обстановки, все здѣсь списано съ натуры, взято изъ личныхъ воспоминаній о пережитомъ и передуманномъ. Герой поэмы—юноша, вольный горецъ, ребенкомъ взятый въ плѣнъ и отданный на воспитаніе монахамъ. Не зная отца и матери, но чувствующій душой святость этихъ именъ, выросъ онъ въ чужой обстановкѣ, храня смутныя воспоминанія о дѣтскихъ годахъ любви и свободы, о далекой родинѣ, куда рвалось его сердце. Въ бурную грозную ночь юноша не выдержалъ и убѣжалъ изъ монастыря, какъ изъ темницы, на свободу. Три дня прожилъ онъ на волѣ, скитаясь среди очаровательной природы, наслаждаясь воздухомъ родныхъ горъ, ихъ величіемъ. Онъ видѣлъ, какъ во снѣ, образъ грузинской дѣвушки, напоминавшей ему объ его сестрахъ, совершилъ геройскій подвигъ—убилъ звѣря, барса, встрѣтившись съ нимъ въ ущельѣ, и, проблуждавъ напрасно три дня въ дикихъ горахъ, вернулся вновь къ своей темницѣ. Юноша, не дѣлавшій людямъ зла, чужой среди нихъ, умираетъ безъ проклятій и съ вѣрой въ Бога, съ прощеніемъ на устахъ, съ мыслью о милой, обѣтованной родной странѣ.

Читая эту поэму, невольно думается: не то ли же самое было и съ Лермонтовымъ, съ его кочевой жизнью на Кавказѣ, съ его краткимъ земнымъ существованіемъ? Не про себя ли разсказалъ онъ намъ эту чудную, трогательную сказку? Не завѣщалъ ли онъ намъ постоянно искать эту родную, обѣтованную землю, которую ему хотѣлось предъ смертью увидѣть, землю, гдѣ будетъ царить красота жизни, миръ и любовь?

Путь въ этой странѣ указанъ въ твореніяхъ

Лермонтова, который учитъ насъ строгому суду надъ собой, который отвергаетъ самодовольный покой, не позволяетъ людямъ засыпать въ довольствѣ настоящимъ. Поэзія Лермонтова учитъ насъ освобождаться отъ предразсудковъ, заблужденій ума и сердца. И если мы, русскіе люди, съ годами становимся лучше, если мы приближаемся къ тому, о чемъ онъ мечталъ, то за это, какъ и другимъ великимъ учителямъ жизни, скажемъ ему сердечное русское спасибо.

В. Харціевъ.

Елисаветградъ,
10 іюня 1914 года.

БИБЛІОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМІИ.

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМІИ

Харьковъ. Тип. „МИРНЫЙ ТРУДЪ“, Дѣвичья ул., д. № 14-й.